

**К реконструкции лексического состава проклятий:
категория актора и особенности ее реализации в текстах
(на материале русских народных говоров)***

© 2018

**Елена Львовна Березович[®],
Олеся Дмитриевна Сурикова**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, 620000, Российская Федерация; [®]berezovich@yandex.ru

Материалом для статьи послужили формулы проклятий, извлеченные из диалектных словарей русского языка и неопубликованных полевых источников. Рассмотрев логико-смысловую структуру проклятий, авторы статьи останавливаются на категории актора, отличающейся широким репертуаром смысловых ролей и богатством средств лексического воплощения. Под актором понимается существо, предмет, явление, которое, по мысли исполнителя проклятия, должно причинить вред проклинаемому. Выделяются логические роли, в которых выступает актор в текстах проклятий; определяются семантические типы лексики, выступающей в роли актора. Особое внимание уделяется так называемым квазиакторам, которые являются контекстно обусловленными и не функционируют как самостоятельные номинативные единицы; изучаются языковые механизмы, способствующие появлению квазиакторов (лексическая инерция, отглагольная деривация). Исследуется роль языкового табу в процессах номинативного воплощения категории актора. На основе выделенных особенностей осуществляется семантико-мотивационная и этимологическая реконструкция ряда слов, функционирующих в проклятиях.

Ключевые слова: вербальная магия, диалектная лексика, лингвопрагматика, проклятия, русская лексикология, семантическая реконструкция, этимология, языковое табу

**Reconstructing the lexicon of imprecations:
The category of actor and peculiarities of its textual implementation
(with special reference to Russian dialectal vocabulary)**

Elena L. Berezovich[®], Olesia D. Surikova

Ural Federal University, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; [®]berezovich@yandex.ru

The article analyzes some imprecations found in Russian dialect dictionaries and unpublished field sources. Having considered the logical and semantic structure of imprecations, the authors address the category of actor, which is notable for a wide repertoire of semantic roles and a broad range of lexical tools. An actor is a creature, object, phenomenon that, according to the imprecation executor's intention, should harm the cursed person. The actor's logical roles, evidenced in the texts of imprecations, are highlighted; semantic types of units designating the actor are defined. Special attention is given to the so-called quasi-actors that are conditioned by the context and do not function as independent nominative units; linguistic mechanisms contributing to the appearance of quasi-actors (lexical inertia, verbal derivation) are studied as well. The role of linguistic taboos in the processes of nominative realization of actor is examined. Based on the highlighted characteristics, a semantic, motivational, and etymological reconstruction of some words with unclear semantics functioning in the imprecations is implemented.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект № 17-18-01351).

Keywords: dialect vocabulary, etymology, imprecations, linguistic pragmatics, linguistic taboo, Russian vocabulary, semantic reconstruction, verbal magic

Введение

По отношению к традиционной культуре проклятие определяется как «словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т. п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслан на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком — нарушителем законов и обычаев» [Виноградова, Седакова 2009: 286]. Если изначально проклятия несли магическую функцию, то затем стали употребляться, кроме магической, и в функции «эмоциональной разрядки»¹. Однако в народном восприятии эти речевые акты могут иметь одинаковые последствия: к примеру, жители Владимирской губернии различали «настоящие проклятия» и «отсылки к черту», но по отношению к детям запрещалось использовать как те, так и другие формулы [Виноградова 2008: 404—405; Виноградова, Седакова 2009: 287]², поскольку в обоих случаях могло произойти «реальное» похищение ребенка нечистой силой. В статье рассматриваются оба вида речевых актов.

В проклятиях нередко функционирует «темная» в плане внутренней формы лексика, поэтому их лексической состав нуждается в мотивационной или этимологической реконструкции. Компоновка этой лексики подчиняется определенным логическим закономерностям, поэтому важно охарактеризовать логическую структуру проклятий, выявить ее устойчивые компоненты и последовательно обратиться к каждому из них. Забегая вперед, укажем, что в наших предыдущих работах были описаны три структурных компонента проклятий (предикат, пространственные и временные показатели [Березович, Сурикова 2017а; 2017в]) и выявлены лексические средства, с помощью которых они выражаются в текстах, а в настоящей статье мы обратимся к наиболее сложному для реконструкции компоненту, ярко отражающему основные прагматико-смысловые особенности изучаемого типа текстов, — **актору**. Для анализа привлекается материал, представленный в диалектных словарях русского языка (как сводном [СРНГ], так и региональных, при этом мы не ограничивались определенной территорией³), а также неопубликованные полевые записи, сделанные Топонимической экспедицией Уральского университета на Русском Севере и в Поволжье. При всех культурно-языковых различиях между диалектными зонами проклятия строятся по сходным грамматическим и логико-семантическим принципам, поэтому мы сочли возможным представить в статье материал, относящийся к разным группам говоров.

¹ Далее фиксируется широкая полоса трансформаций этого речевого жанра, приводящих к шуточным формулам типа простореч. *Чтоб тебя намочило да не высушило! Чтоб тебе с троллейбусом переспать!* [БСРП: 425, 671], волгогр. *Ёж кого-л. наколи!* ‘употребляется как выражение досады, удивления, незлобивая брань’ [СДГВО: 163] и мн. др.

² Подобные представления отмечаются и во многих других регионах: нельзя посылать к черту детей, скотину и пр.: перм. «Скотину и то клянуть нельзя. Поругашь её — она в лес уйдёт и не придёт» [ЭСМРП: *клянуть*]. Более того, невинный отсыл к черту может быть направлен против самого «отсылающего»: перм. «Если лешакаешься, то колдун в это время испортить может»; «Изругайся, спроклятайся, как запнёшься — вот и икотка тебе»; «Вот по дороге идёшь, запнёшься, переругайся, и всё — чертёнок залетит» [Там же: *лешакаться; ругать*].

³ Несмотря на то что просматривались словари разных территорий, в статье преобладает материал, относящийся к севернорусской языковой традиции. Это объясняется тем, что отечественная диалектная лексикография располагает большим количеством «северных» словарей (по сравнению с «южными»). Кроме того, наша собственная собирательская работа тесно связана именно с этой территорией.

1. Смысловая структура проклятий

Проклятия в большинстве своем имеют устойчивую смысловую структуру и содержат несколько типичных актантов. Подчеркнем, что здесь и далее речь идет о собственно текстовых формулах, а не о соответствующих вербальных актах (ритуалах)⁴. Так, в структуре проклятия как вербального акта можно выделить говорящего — проклинающего субъекта, исполнителя текста (того, кто произносит формулу, оставаясь «за кадром»); в самом тексте есть роль актора, исполнителя «приговора», каузатора вредоносного действия. «Затекстовая» и «собственно текстовая» роли различны; ср. замечание С. М. Толстой [2012: 353] о том, что в проклятиях, в отличие от угроз, субъект речи не совпадает с исполнителем угрозы. Ниже обозначены основные актанты, отраженные в текстах.

• **О** — **объект** негативного воздействия (проклинаемый), т. е. лицо, которому желают зла. В текстах на объект указывают местоимения 2 и 3 л. ед. или мн. ч. (*Чтоб ты сдох, Будь он проклят*; арх. *Леший бы прособоровал вас* [Черепанова 1983: 75]), местоимения 1 л. (*Чтоб мне провалиться*) — в случае автопроклятий (см. о них [Толстая 2016]), личные имена или иные обозначения лица, позволяющие точно его атрибутировать (*Будь проклят Пашка; Черт с ними, с этими гашишниками*). В ряде проклятий фигурирует актант **О**₁ — «мишень». Этот актант конкретизирует, какой именно «атрибут» проклинаемого должен быть поврежден. Чаще всего это часть тела (коми *Остоялась бы вода на языке* ‘проклятие, пожелание зла сквернослову’ [ФСГНП, 2: 145], перм. *Чтоб ухо не чуло и глаз не видел!* [СРГКПО: 332]), реже семья или собственность. Указание на **О**₁ нередко встречается в одном контексте с **О**: орл. *Антонов огонь тебе в живот*, орл. *Чтоб у тебя всё град побил* [Козельская 2004: 209, 227], пск. *Пусть ему хоромы нечистый растрясёт* [СПП: 79].

• **П** — **предикат**: действие, несущее вред проклинаемому. Чаще всего в проклятиях упоминается **П**₁ — действие, которое должен совершить кто-то (что-то) по отношению к объекту: яросл. *Шут ты (его, их и т. п.) скради* [ЯОС, 10: 82], вят. *Лихора́д тебя заде́ри* [ОСВГ, 5: 197], перм. *Бяк бы тебя задавил* [СПГ, 1: 73]. Реже фигурирует **П**₂ — действие, которое должен совершить сам проклинаемый (обычно в формулах отсылки): омск. *Иди ты к вѣтрене!* [ФСРГС: 85], арх. *К лёшой матери езжай!* [АОС, 13: 79]. В роли предиката в большинстве случаев выступают глаголы с маркерами ирреальной модальности — грамматическими формами повелительного и сослагательного наклонения, подчинительными союзами *чтобы, кабы, коли* и др., частицей *бы* и т. д.

• **А** — **актор**: существо, предмет, явление, которое, по мысли говорящего, должно причинить вред проклинаемому. Во многих случаях актер одушевляется (персонифицируется). Представления об акторе выражаются обычно существительными, а также прилагательными в значении существительного: вят. *Бо́лесь бы его взяла* [ОСВГ, 1: 87], пск. *Гад тебя ухвати* [ПОС, 6: 122], влг. *Вялый <черт> тебя за́бери* [СГРС, 2: 288], смол. *Благое тебя по́бери* ‘чтобы ты с ума сошел’ [ССГ, 1: 184]. Об акторе будет подробно сказано далее.

• **Т** — **топос**: отдаленное или опасное место, куда должен отправиться проклинаемый: новг. *На лес тебя угонь!* [СРНГ, 19: 95], костр. *Подь-ка ты в окаянницу* <ад, проклятое место>! [СРНГ, 23: 117], арх. *Спустись в крути́к* <крутой склон>! [СГРС, 6: 194].

• **В** — **время**, в которое или на протяжении которого должно исполниться проклятие. Этот компонент встречается сравнительно редко и выражается словами с темпоральной семантикой: арх. *Унеси лешой вовеки и во́дерень* <навсегда>! [АОС, 4: 154], перм. *Хоть век не будь!* «Убирайся давай, на что ты мне, хоть век не будь» [СПГ, 1: 72].

⁴ О соотношении позиций субъекта и объекта в «обычных» речевых актах и некоторых разновидностях вербальных ритуалов см. [Толстая 1994: 175—176]. Интересно, что в ряде проклятий не совпадают логическая и грамматическая структура. Так, в «классическом» отсыле *Иди ты к черту!* рзнятся текстовые и коммуникативные позиции субъекта и объекта: *ты* (проклинаемый) — действующий в тексте актер = субъект (подлежащее в им. п.), но в то же время «логический» объект злопожелания; *черт* — текстовый объект (косвенное дополнение в локативной форме дат. пад.), но «логический» («коммуникативный») субъект — вредоносная сила, мифологический персонаж.

Структурно-смысловая «комплектация» злоречений продиктована их иллокутивной интенцией — причинением вреда (эту идею транслируют актанты П, А, Т, В) конкретному лицу (актант О). Ни один из актантов не является строго обязательным (эксплицитно выраженным в абсолютном большинстве текстов), однако наиболее стабильна позиция объекта. Указание на проклипаемого в текстах эксплицировано практически всегда, за исключением, пожалуй, тех ситуаций, когда эта позиция обозначена грамматической формой глагола — императивом в ед. или мн. ч. (*Гори огнем! Сдохни!*); в единичных случаях это звено логической схемы не отражено в текстах, но восстанавливается из невербального контекста: заурал. *Кара в руку* [СРНГ, 13: 63].

Остальные актанты реже или чаще могут опускаться, при этом лексические средства их выражения и семантический «репертуар» в большей или меньшей степени разнообразны. Наибольшей значимостью (при сравнительно небогатой семантической «палитре») обладает предикат, главный «проводник» прагматической установки изучаемого речевого жанра — однозначной и неизменно деструктивной.

В ряде текстов предикат элиминируется и замещается другими компонентами логической структуры — актором или топосом, которые берут на себя функцию главного ретранслятора иллокутивной цели (причинение вреда словом = действием): влг. *Водяной с тобой* [КСГРС], перм. *Змей в руки (в лапы, в шары)* [СПГ, 1: 328—329], влад. *В омут те головой* [СРНГ, 23: 206] и др. Логика текстового воплощения этих актантов предсказуема, но средства их лексической репрезентации богаче, чем средства манифестации предиката, и тем более объекта.

Наиболее разнообразен в лексико-семантическом плане репертуар средств, выражающих такую категорию, как актер. Изучение этих средств представляет интерес в лингвокогнитивном и лингвоаксиологическом ключе: они могут показать, как конструируются языковые представления о страшном, опасном, вредоносном. Слово «конструируются» выбрано неслучайно. Как будет показано дальше, проклятия — в известной степени сфера языкового эксперимента: говорящий, поставленный (точнее, поставивший себя) в условия экстремальной языковой экспрессии, не только воссоздает, но и заново создает слова, концентрирующие его гнев и страх и персонифицирующие зло. Если объект, на который направлено проклятие, заранее задан, если предикат, как уже говорилось, семантически наиболее определен, то актер — позиция, дающая самую благодатную почву для языкового творчества. Это творчество оборачивается трудностями при последующей исследовательской интерпретации, поскольку обилие окказиональных лексем усложняет работу этимолога. Перечисленные обстоятельства обусловили наш специальный интерес в данной статье к **категории актора и способам ее лексической реализации** в текстах проклятий. Особое внимание будет уделено так называемым **квазиактерам** (см. далее) и особенно-стям их «конструирования».

2. Логические роли, в которых выступает актер

▪ **A₁** — первая и основная роль, характерная для большинства текстовых употреблений, — субъектная, она выражается позицией им. п., например: курск. *Подхвати тебя лихая доблесть* [СРНГ, 28: 236], сиб. *Перекобрь его (ее и т. п.) враг* [ФСРГС: 134].

▪ **A₂** — инструментальная роль — находит воплощение в формах твор. п.: ворон. *Бурею тебя подними* [СРНГ, 28: 99], олон. *Громовой бы силой взяло* [СРНГ, 7: 151].

▪ **A₃** — локативная роль — представлена предложными формами дат. п.: арх. *Иди к лэману* <лешему> [КСГРС], дон. *Иди ты к игрецам* <чертям> [БТДК: 118], орл. *К вихору его* [СОГ, 2: 54]. Здесь актер, связанный с предикатом (который выражен глаголом перемещения в форме императива) локативными отношениями, не производит деструктивных действий (его вредоносность — затекстовая информация), но сам предполагаемый уход проклипаемого к актору — достаточное основание для злопожелания. Мы сочли возможным выделять в подобных конструкциях роль актора (хотя грамматически в формах «предлог к +

сущ. в дат. п.» обозначен адресат отсылки) еще и потому, что в большом количестве случаев наблюдается функциональная тождественность локативных и субъектных конструкций: простореч. *Черт возьми = Иди к черту*, смол. *Шéшка* <нечистая сила> *возьми (поberi) = Иди к шéшке* [ССГ, 11: 440], арх. *Жіхорь* <нечистая сила> *тебя возьми = Пойди к жіхорю* [АОС, 14: 240] и мн. др. Практически любой субъект, которому в проклятиях приписывается статус одушевленного, может выступать в подобных локативных конструкциях.

▪ Наконец, еще одна логическая роль актора — A_4 — определительная. Случаи такого рода очень редки: влг. *Будь ты лешак!* [КСГРС], перм. *Будь ты жид!* [СПГ, 1: 261]. Такой актер тоже не осуществляет разрушительных действий; суть злоречения заключается в уподоблении прокливаемого актору⁵.

3. Семантические типы лексики, называющей исполнителей вредоносных действий в злопожеланиях

Эти типы были описаны в работах [Козельская 2004: 105—133; Чередник 2006: 19—73]. Обобщая результаты названных исследований и дополняя материал своими примерами, приведем краткий перечень наиболее продуктивных семантических типов.

▪ Мифологическое существо, представитель нечистой силы; персонаж народного христианства: орл. *Доброхот* <черт> *тебя возьми!* [СРНГ, 8: 79], краснояр. *Чтоб тебя лешак забрал!* [СРНГ, 17: 30], арх. *А дави ты суседко* <домовой> [СРНГ, 42: 296], дон. *Домовіліха тебя забері!* [СРНГ, 8: 119], орл. *Антихрист тебя возьми (разбей)!* [СОГ, 1: 45], дон. *Штоб тебя анчутка* <дьявол, антихрист> *стрескал* [СРНГ, 1: 262], ворон. *Сошли мне, господи, лихих агалей*⁶ [СРНГ, 1: 200].

▪ Болезнь, болезненный симптом: волгогр. *Забодай кого-л. болячка* [СДГВО: 50], без указ. м. *Чтоб те восса* <кожная болезнь> *села* [СРНГ, 5: 145], морд. *Чтоб тебя сибірка* <сибирская язва> *подхватила* [СРГМ, 2: 1141], забайк. *Тулай* <икота, отрыжка> *тебя забері* [СРНГ, 45: 230], вят. *Лихорада бы тебе сел* [ОСВГ, 5: 197].

▪ Смерть и ее атрибуты: влг. *Прах тебя дері* [СРНГ, 31: 70], влг. *Понеси тебя саван!*⁷ [КСГРС], забайк. *Видеть бы мне тебя в тохрихіме* <погребальном одеянии>! [СРНГ, 44: 302].

▪ Опасное животное: смол. *Задэргай те волк* [СРНГ, 10: 52], смол. *Коршак* <коршун> *тебя бей* [СРНГ, 15: 33], ворон. *Кобель тебя покорабай!* [СРНГ, 28: 368], арх., влг. *Волос* <водяной червь волосатик> *бы сел (на язык) тебе* [СГРС, 2: 156].

▪ Природная стихия: олон. *Громовой бы силой взяло!* [СРНГ, 7: 151], волгогр. *Гроза тебе в бок* [СДГВО: 122], ряз. *Вихор (тебя, его, их и т. п.) подыми* [СРНГ, 28: 272], костр. *Полава* <полая вода> *(тебя) неси* [ЛКТЭ].

⁵ Как видно из приведенного перечня, категория актора понимается нами очень широко. Основания для такой трактовки видятся в том, что перед нами стоят в первую очередь задачи реконструкции лексики, входящей в состав проклятий, поэтому нужна скорее логическая, нежели грамматическая, интерпретация состава вербальных формул. Вообще, строго говоря, субъект злокозненного действия — некая высшая сила, а то, что мы называем актором, нередко оказывается инструментом этой силы или даже объектом, т. е. самим насылаемым на адресата злом. По сути, подходя к категории актора с широких логических позиций, мы изучаем «имя зла». Для наших целей, повторим, это представляется приемлемым.

⁶ Это формула автопроклятия, в которой *агаль*, по мнению авторов [СРНГ, 1: 200], имеет значение «злой дух». По версии А. Л. Топоркова (устное сообщение), в форме *агаль* следует видеть трансформацию слова *аггел*, ср. указание В. М. Живова на то, что слово церковнославянского языка, производившееся как *ангел*, обозначало посланца Бога, в то время как лексема, звучавшая как *аггел*, означала посланца Сатаны [Живов 2006: 17]. Думается, что это объяснение более правомочно, чем гипотеза о связи *агалья* с глаголами типа сиб. *огалить* «испортить, сглазить», влг. *гáлiть* «портить» < праслав. **galiti* (не исключая, однако, влияния со стороны *áггел*), высказанная в [РЭС, 1: 88].

⁷ Об этом выражении см. в статье [Березович, Сурикова 20176].

▪ Беда, несчастье, напасть: курск. *Причіна* <беда, несчастье> *те побей* [СРНГ, 32: 61], пенз. *Прóрва*⁸ *тебя возьми!* [СРНГ, 32: 216].

▪ Инородец: новосиб. *Уведи* (кого) *татар* [ФСРС: 195], орл. *Ирмáн*⁹ *тебя возьми* [Козельская 2004: 213; Гришанова 2001: 469].

▪ Угрожающее орудие, инструмент: морд. *Рожón* <кол> *те в кадык* [СРГМ, 2: 1086], перм. *Кол в хайло* [СПГ, 1: 403], одесск. *Бей тебя ку́уба* <кочерга>! [БСРП: 346], смол. *Тéлеш*¹⁰ *тебя забей* [ССГ, 10: 175], смол. *Колони́ца* <столб, дерево> *тебя забей* [ССГ, 5: 57].

▪ Наконец, в роли актора может выступать персонифицируемый то по с (опасный, отдаленный или потусторонний): костр. *Ад тя остані* [СРНГ, 1: 204], новг. *Омут возьми* [СРГК, 4: 200] и др.

В ряде случаев слова, выражающие роль актора, соединяют в себе значения, относящиеся к нескольким семантическим группам: новг. *Корочún тебе на язык* [НОС₁, 4: 117], ср. новг. *корочún* ‘тяжелая болезнь’, ‘злой дух, нечистая сила’ [Там же], а также *карачún* арх., влг., костр., новг., перм., сиб. ‘внезапная, неожиданная смерть’, калуж., симб. ‘злой дух, черт, демон’ и др. [СРНГ, 13: 75]; пск. *Пáмжа его пусть ведае* [СРНГ, 25: 184], ср. пск. *пáмжа* ‘погода (обычно плохая)’, ‘беда, невзгода, напасть’, ‘болезнь’, ‘смерть’ [Там же].

4. Явление персонификации в проклятиях и квазиакторы

Уже по перечню семантических типов акторов, фигурирующих в злоречениях, и по немногочисленным приведенным примерам можно судить о базовом для наивного сознания когнитивном принципе, на основе которого создаются проклятья, — принципе персонификации, непосредственно связанном с важнейшим свойством мифологического мышления — анимизмом. С опорой на положение о ключевой роли персонификации для жанра русских злоречений и будут строиться наши дальнейшие рассуждения.

Как было показано выше, роль персонажа-«вредителя», действующего в проклятии, выполняют не только существа, одушевленные в действительности или в системе представлений создателя злоречения (мифологические существа и персонажи народного христианства, животные, инородцы), но и абстрактные сущности (беда, несчастье), негативные физиологические состояния (болезни), природные стихии, предметы и даже локусы. Большинство этих явлений и сущностей традиционно антропоморфизмуется в системе верований, ср. традицию «оживления» стихий, вещей (общеславянские мотивы *vita herbae* и *vita rei*), олицетворения злой судьбы и др. Разумеется, подобные представления находят отражение в различных жанрах фольклора¹¹.

Несмотря на то что персонификация присуща в целом вербальному коду народной культуры, действие этого механизма имеет специфический результат для жанра проклятий. Он

⁸ Ср. влг., перм., тамб., ворон. *прóрва* ‘несчастье, неприятность, напасть’ [СРНГ, 32: 216]; там же см. другие негативные значения этого слова.

⁹ По мнению Н. В. Гришановой [2001: 469], которое представляется справедливым, слово *ирман* восходит к форме *германец*.

¹⁰ Ср. смол. *тэляжэ* ‘кряж’ [ССГ, 10: 176].

¹¹ Так, персонификация предметов и инструментов присуща паремиям (ср. *Горшок котлу завидует, а оба черны* [БСРП: 208]; *Млад я был / Много душ кормил. / Стар я стал, / Умер без погребенья, / Без поминовенья* <горшок> [Садовников 1996: № 344и]). Известны тексты причитаний, в которых действующим лицом становится *горе-бессчастье*: *Во большом углу бессчастьицо садилось, / Впереди да шло бессчастье ясным соколом, / Позади оно летело черным вороном...* [Барсов, 1: 8]. Для лечебных разговоров характерна анимизация болезней. При этом связь проклятий с разговорами — тема отдельного исследования; злопожеланиям, встречающимся в славянских разговорах, посвящена, например, специальная статья [Виноградова 2005]. В нашем материале встречаются примеры подобных злоречений, ср. влг. *Поддай тебе господи, сватушке лукавому, три чирья, три вереда!* [СРНГ, 4: 127]. Генетически связаны с разговорами от лихорадки проклятья, субъектом которых являются *трясавицы* (например, арх. *Трэсса тя возьми! Трэсса тя возьми!* [Подвысоцкий 1885: 175]) и т. д.

заключается в том, что, кроме перечисленных типов акторов, в проклятиях фигурируют уникальные, жанрово и текстово обусловленные «квазиакторы», не функционирующие (или ограниченно функционирующие) как самостоятельные номинативные факты. Например, в выражениях ворон. *Облун тебе облуну! Облуном тебе облуну!* [СРНГ, 22: 111] возникает *облун* — слово, которое не встречается в свободном употреблении; *облун* связан отношениями функциональной заменяемости с *чертом*, ср. ворон. *Черт его облуну!* [Там же]. Такие «квазиакторы» обозначаются с помощью контекстно обусловленных, в ряде случаев (но не всегда) окказиональных лексем, сигнификаты которых не имеют своей «ячейки» в традиционной картине мира. Возникновение подобных слов — а в конечном счете и стоящих за ними представлений — спровоцировано собственно языковыми механизмами, характерными для жанра злопожеланий. Такие механизмы не «специализируются» на создании квазиакторов, они выполняются в проклятиях и другие функции, но квазиакторы — один из наиболее интересных результатов их реализации. Охарактеризуем эти механизмы.

4.1. Лексическая инерция (тавтология)

Этот прием организации текста, реализующийся в фольклорных текстах вообще и в некоторых видах магической речи в частности (на материале заговоров см. об этом [Толстая 2005]), предполагает повтор однокоренных слов. Ср. некоторые примеры: простореч. *Пропади пропадом!*, орл. *Провались все провалом!* [СРНГ, 32: 90], *Чтоб тебе (ему и т. п.) на том свете без пристани приставать!* [БСРП: 598], пск. *Катись катущим камнем!* [СРНГ, 13: 136], морд. *Сгори гáром!* [СРГМ, 1: 132], пск. *Прогери (ты) гáром!* [ПОС, 6: 138], *Сухотка тя иссуши!* [Виноградова 2012: 56]; ср. также болг. *Пораз да те поразу*, серб. *Губа те разгубала* и др. [Там же]. Слова, составляющие тавтологическую конструкцию, могут быть связаны и отношениями паронимической аттракции: костр. *Подь ты к Каину в окаянницу!*¹² [ЛКТЭ], влг. *Рожу твою на рожон!* [КСГРС]¹³. Явление паронимической аттракции отмечено также на материале проклятий в других языках¹⁴.

Частный (но при этом наиболее распространенный) случай реализации указанного приема — корневые повторы в словах, занимающих позиции **предиката** и **актора** проклятия. Чаще всего актор в таких текстовых парах называет болезнь или болезненный симптом; встречается также обозначения нечистой силы и др.¹⁵ Вот характерные случаи: тамб., яросл. *Трясу́чка тебя истра́си!* [СРНГ, 12: 266], ряз. *Колѳье тя (тебя) заколи!* [СРНГ, 14: 190], елец. *Расстрѣл тебя расстреляй!* [СРНГ, 34: 231], моск. *Стрели (его, тебя и т. п.) пострѣлом!* [СРНГ, 30: 237], курск. *Облом тебя обломи!* [СРНГ, 22: 108], алт. *Одѣр тебя одери!* [СРГА, 3/1: 189], курск. *Игрѣц тебя подыграй!* [СРНГ, 12: 70], орл. *Удар тебя разударь* [Козельская 2004: 223]¹⁶ и т. д. Встречаются также примеры, в которых обозначения

¹² Ср. костр. *окайница* ‘проклятое место, ад’ [СРНГ, 23: 117].

¹³ Интересно, что даже метаязыковые формулы, описывающие сам акт проклятия или брани, нередко составлены по тавтологическому принципу: ср., к примеру, общенар. *ругмя ругать*, зап.-брян., твер. *клятьбой (клятьбами) клясться* [СРНГ, 13: 337], ряз. *проклинать на (в) проклѣн* [СРНГ, 32: 158], мурм. *клѣнуть на проклѣн* ‘сильно ругать, проклинать кого-л.’ [СРГК, 2: 263].

¹⁴ Вот болгарские примеры, которые комментирует М. В. Ясинская [2013: 82]: *Синь, посинѣли му очитѣ!* <Сын, чтобы посинели у него глаза!> (созвучие *синь* ‘сын’ ↔ *посинѣ ли*); *Платно му на очитѣ* — *така отговаря нѣкой въ случай, ако длѣжника му не му е платилъ цо му длѣжи, а нѣкой го запита за този длѣгъ, «плати ли ти?»* <Полотно (погребальное) ему на глаза — так отвечают в том случае, если должник не уплатил то, что должен, а его кто-то спрашивает об этом долге: «Ты заплатил?»> (сближение *платно* ‘полотно’ и *плата* ‘платить’).

¹⁵ Это особенность не только русских, но и вообще восточнославянских злопожеланий; на белорусском материале см. об этом [Янович 1995].

¹⁶ Ср. влг. *трясу́шка* ‘лихорадка, озноб’, влг. *трясь* ‘лихорадка’, костр. *трѣсца* ‘дрожь’, влад., бурят. (русск.) *трясу́чка* ‘болезнь, при которой трясутся руки, голова’ [СРНГ, 45: 198—199], перм., Слов. Акад. *колотье* ‘летучий ревматизм’ [СРНГ, 14: 190], *расстрѣл* влад. ‘острая боль, ломота’,

актера и предиката объединены аттракцией, ср. новг. *Нарók бы ты изнырял* [СРНГ, 20: 129]: имя актера можно сопоставить с арх. *нарók* ‘<в суеверных представлениях> болезнь, причиненная дурным глазом’, ‘гнойный нарыв’, ‘ногтоеда’, ‘свищ’ [Там же], а глагольная форма связана с новг., калуж. *изныря́ть* ‘покрыть язвами, искушать (в бранных выражениях)’ [СРНГ, 12: 160]. Отметим, кстати, что принцип тавтологии, объединяющий эти слова, позволяет считать ошибочной запись *Парók бы ты изнурял!* (новг.), представленную в [СРНГ, 25: 239]. Судя по хронологической помете (1852), в [СРНГ] последняя формула попала из «Опыта областного великорусского словаря», где она фигурирует в такой записи: новг. *нарók* ‘клятва, проклятие, употребляемое в выражении *Нарók бы ты изнырял!*’ [Опыт: 123]. При этом инвектива со словом *парок* в «Опыте» отсутствует. Понятно, что произошло банальное графическое смешение *П* и *Н*. Правильность прочтения *нарók* (а не *парок*) подтверждается тем, что имеется фонетически близкое курск. *Нор¹⁷ тебя изныряя!* [СРНГ, 21: 278]¹⁸.

Смысловая роль предиката в злопожеланиях настолько сильна, а прием тавтологии настолько типичен для этого жанра, что порой место актера занимают **окказиональные отглагольные существительные**, которые за пределами проклятий, по всей видимости, не используются. Приведем примеры, где слова, называющие акторов, или вовсе не фиксируются вне проклятий, или имеют иные, нежели этого требует текст проклятия, системно-языковые значения:

- смол. *Катыш тебя закати!* [СРНГ, 13: 137];
- ворон. *Подхвát тебя подхвати!* [СРНГ, 28: 235]. Вне проклятия у слова *подхват* фиксируются только «невредоносные» значения: ‘ухват’, ‘кузнечные клещи’, ‘кухонная тряпка’ и т. д. [Там же];
- орл. *Расстón тебя расстанáй-мо!* [СРНГ, 34: 230]. Возможно, следует сопоставить с арх. *расстона́ться* ‘начать сильно болеть, разболеться’ — «Спина-то болит с пива, вся расстоналась» [Там же];
- ряз. *Лом вас сломай!* [СРНГ, 17: 115]. У слова *лом* отмечено значение ‘тяжелая работа, труд’, встречаются также тавтологичные выражения типа *лóмом ломить* ‘быстро, энергично работать’ [Там же], но трудно предполагать, что в проклятии речь идет об изнурительной работе: мы не обнаружили других злопожеланий, в которых бы реализовывалась такая семантическая модель (а тексты этого жанра, несмотря на присущее им лексическое разнообразие, создаются в пределах ограниченного числа семантических и структурных схем). Пытаясь обнаружить другие смысловые «вливания» в текст проклятия, кроме общего негативного значения глагола *ломать*, *сломать*, следует вспомнить, скорее, наименование домового — *облóm* (сев.-русс.), которое приводится в [Черепанова 1983: 58] (ср. также тамб. *Лом те возьми!* [СРНГ, 17: 115]);
- курск. *Осади осáд (кого-либо)!* [СРНГ, 23: 350]. *Осáд* определяется составителями словаря как ‘домовой’ — кажется, на основании одного только контекста: «Осади того осад, кто ходит к нам в сад» [Там же]. Скорее всего, такое толкование ошибочно. Слово *осад* имеет контекстную обусловленность, оно образовано от глагола *осадить* и является реализацией приема лексической инерции. Правильнее предполагать наличие у этой лексемы не мифологической, а общей деструктивной семантики, ср. значения производящего глагола: *осадить* арх. ‘прищемить, поранить’, смол. ‘огорчить’, моск. ‘съесть’, см. также пск.,

новг. ‘хроническая невралгия, проявляющаяся в различных частях тела’ [СРНГ, 34: 231], *пострéл* диал. шир. распр. ‘кровоизлияние в мозг, удар, паралич’, новг. ‘сглаз, порча’ [СРНГ, 30: 237], курск. *облóm* ‘болезнь, сопровождающаяся судорогами, припадками, ломотой’ [СРНГ, 22: 108], *одёр* красн.-нояр., бурят. ‘тонкая жердь, направляющая движение телеги’, костр. ‘падучая болезнь’ [СРНГ, 23: 15—16], ср.-русс., ю.-русс. *игрéc* ‘нечистый или злой дух, бес; домовый’ [СРНГ, 12: 70].

¹⁷ Ср. без указ. м. *нор* ‘язвина на теле, особенно глубокая, подкожная’ [Даль, 2: 1440—1441].

¹⁸ Слово *нарók* «не повезло» в [СРНГ] дважды: ошибочная фиксация имеется также в статье *изныря́ть*, где дается проклятие *Нарон бы ты изнырял* (новг.) [СРНГ, 12: 160]. Как нетрудно догадаться, *нарон* не встречается ни в одном из известных нам диалектных словарей.

твер. *дать осáду* ‘дать отпор кому-либо, осадить’ [Там же]. Таким образом, *осáд* — ‘тот, кто способен поранить / огорчить / съесть / воздействовать физически на объект проклятия’¹⁹. Это некий «квазисубъект», поданный составителями словаря как «реальный» персонаж.

4.2. Отглагольная деривация (вне тавтологических глагольных конструкций)

Отглагольные существительные, называющие актора проклятия — мифологическое существо, анимизированную болезнь и пр., могут функционировать в злопожеланиях не только «в связке» с глаголом в роли предиката (как это происходит в случаях из предыдущего раздела), но и автономно от него. Ср. примеры: морд. *Ну тебя (его, их и т. п.) к летуну!* [СРГМ, 1: 488], кемер. *Стрель те возьми*²⁰ [СРНГ, 41: 321], смол. *Грызь тебя ешь лихая* [ССГ, 3: 82], карел. *Завáл тебе в горло* [СРГК, 2: 90], смол. *Обвал тебя возьми* [ССГ, 7: 108], орл., вят. *Провáл бы те (их) взял* [СРНГ, 32: 90—91], смол. *Зáкрут тебя возьми* [СРНГ, 10: 168], новг. *Пáлиха тебя (его) возьми* [НОС₂: 784]²¹ и т. д.

Характерно, что отглагольные именованья актора проклятия носят не только узуальный (как в примерах выше), но и **оказиональный** характер. «Квазислова», производные от употребительных глаголов — самых сильных актантов проклятия, — как правило, «прозрачны» для адресата злопожелания: только имитируя субстантивы, они содержат всю информацию о вредоносных качествах квазиакторов, которых называют. Такие лексемы по своей сути близки к функционально мотивированным демонимам из коллекции О. А. Черепановой [1983: 61—64]: *задав, извод, кожедёр* и пр.

- коми *Жáрня бы тебя прихватила!* — «Есть проклятие, которое посылается человеку, чтобы он погиб в огне, сгорел от высокой температуры или горел в аду, то есть чтобы он жарился от чего-либо. Тогда говорят: жарня бы тебя прихватила!» [ФСГНП, 1: 237];

- твер. *Разóрва те возьми* [СРНГ, 34: 53]. Ср. простореч. *Чтоб тебя разорвало*;

- карел. *Сподóху нет на тебя!* [СРГК, 6: 261]. Ср. простореч. *Чтоб ты подох*;

- карел. *Сплjóсьень с ней!* [СРГК, 6: 259]. Очевидно, эту формулу можно «прочитать» в виде **Чтоб тебя приплюснуло*. Ср. также ленингр. *сплюснутьсь* ‘испортиться, скиснуть’, новг. *сплюхать* ‘сделать плохо, кое-как’ [Там же] и т. п.;

- ленингр. *Ну ты к задаву* [СРГК, 2: 112], а также тобол. *Задавнá те возьми* [СРНГ, 10: 42], сев.-двин. *На все задáвны, На задáвны* [Там же], сев.-двин. *Назадáвны (бы) тебя (вас, его и т. п.)* [СРНГ, 19: 274]. Ср. отмеченные на Русском Севере наименования домового, которые отражают приписываемое ему свойство давить, наваливаться во сне: *гнётке, жма, жма́ра, зажéник, намно́й* [Черепанова 1983: 62];

- перм. *Чиверá тебе (ему, ей) на язык* [СПГ, 2: 531]. Ср. пск. *чíвереть* ‘худеть, сохнуть’ [Опыт: 257], без указ. м. *чáвереть, чáвреть, чаврítь* ‘блекнуть, вянуть, чахнуть, сохнуть; хилеть, хизнуть; загнивать’ [Даль, 4: 580] и др. (об этих глаголах см. [ЭССЯ, 4: 32]);

- яросл. *Шать те деру* [ЯОС, 10: 71]. Вероятно, *шать* — оказиональная номинация головокружения, ср. общенар. *шатать, шататься*, а также арх. *шатун* ‘головокружение’,

¹⁹ Глагол *осадить* может быть связан и с *садить*, выступающим в составе сочетаний типа перм. *сáдить кíлу* ‘в суеверных представлениях: напускать на кого-л. колдовством, наговором болезнь в виде опухоли’ [СРНГ, 36: 26].

²⁰ Ср. ошибочную запись в [СРНГ, 8: 176]: сарат. *Ах, деру те по стрелам* ‘недоброе пожелание’. Учитывая частотность наименований болезней на *стрел-* в проклятьях (ср. приводившиеся выше *расстрел* и *пострел, стрель*, а также диал. *стрел* — *Стрел тебя возьми!* [БСРП: 647]), злопожелание должно выглядеть так: *Ах, деру те пострелом*.

²¹ Ср. морд. *летун* ‘черт, нечистая сила’ [СРГМ, 1: 488], беломор., кемер. *стрель* ‘колющая боль, прострел’ [СРНГ, 41: 321], юж., зап., ср.-русск. *грызь* ‘грыжа’ и др. [СРНГ, 7: 180], ряз., юж. *завáлка* ‘о болезнях горла, связанных с распуханием горла или железок’ [СРНГ, 9: 293], смол. *обвáл* ‘опухоль на шее, свинка’ [ССГ, 7: 108], яросл. *провáл* ‘чирей’ [СРНГ, 32: 90], смол. *зáкрут* ‘умопомешательство, сумасшествие’ [СРНГ, 10: 168], новг. *пáлиха* ‘тоска’ [НОС₂: 784].

влг., арх., ленингр. *шат берёт, в шат кидает* ‘о головокружении’ [СРГК, 6: 842—843] и т. п. В [ЯОС, 10: 71], где зафиксировано это проклятье, представлено также слово *шатун* ‘<по суеверным представлениям> леший’, которое могло бы повлиять на возникновение формы *шатъ* и дать основания для трактовки ее как мифонима, но это, по всей видимости, лексикографическая ошибка: лексема *шатун* не сопровождается иллюстративными контекстами и в других словарях в этом значении не зафиксирована. Не исключено, что значение ‘леший’ «наведено» известным «референтом» *шатуна* — медведем;

■ калуж. *Иди ты на тур, Пошла ты на тур*, новг. *Иди ты к туру*, дон. *Иди ты к турám* [СРНГ, 45: 261]. В [НОС₁, 11: 72] и далее в [СРНГ, 45: 261; БСРП: 674] слово *тур*, иллюстрируемое этими формулами, определяется как ‘черт’. Однако уже в переиздании «Новгородского областного словаря» дефиниция лексемы меняется: *тур* ‘часть тела человека ниже спины; зад’ — «Да в тур твои огурцы» [НОС₂: 1209]. Затем после фразеологического «ромбика» приводятся еще несколько экспрессивных выражений с участием *тура*: «За каким туrom ему эта машина»; «Иди (шёл бы) на туr (к туру)»; «Шёл бы ты на туr с огурцами»; «Шёл бы ты к туру» и др. [Там же]. Возможно, определяя новгородский *тур* как соматизм, составители словаря ориентировались не только на контекст, но и на материалы В. И. Даля, который дает слово *тур* со знаком вопроса, выделяя у него значение ‘зад у человека, задница, ягодица’, не приводя контекстов и ставя при нем помету «кал.-мед.» (Медынский уезд Калужской губернии) [Даль, 4: 444]. Контексты к слову *тур*, записанные на других территориях, тоже носят экспрессивный характер: влг. «Кой тут мне ваша Шура, мне хлеб подавай! *На кой тур?*»; казан. «Наша сова дура, Не знает *ни тура*, В нашем поле не бывала, наших людей не видала»; морд. «Куда побежал? Ну-ка стой! — Таньк, да *тур с ним*» [СРНГ, 45: 261]. Анализ бытования экспрессива *тур* в говорах позволяет предположить, что это отглагольное образование от простореч. *турнуть, вытурить* (кого-л.), диал. шир. распр. *турить* ‘отправлять, посылать кого-л., что-л., куда-л.’: «Бабы пристали с мужьями да и ну турить дурака к отцу на могилу» (иркут.), «Тури ты его на работу» (краснояр.), *турать* арх., пенз., иркут. ‘выгонять, прогонять кого-л.’, арх. ‘посылать, направлять, отправлять с какой-л. целью’ и др. [Там же: 263, 268]. В семантической парадигме диалектных глаголов встречаются также значения ‘толкать, пихать’, ‘ударить, побить, поколотить кого-л.’, ‘бранить, ругать кого-л.’ и др. [Там же]. Кроме того, глагол *турить* употребляется в составе редупликативной формулы *туrom турить* том. ‘гнать, прогонять кого-л.’, новосиб., том. ‘очень быстро гнать (скот)’ [Там же: 277], ср. также вят. *турь-турить* ‘спешить, торопить, подгонять кого-л.’ [Там же: 286]. Из подобных формул и могло быть вычленено слово *тур*, связанное с *чертом* только тем, что выступает в аналогичных по структуре выражениях, в которых, впрочем, функционируют и многие другие экспрессивные лексемы²²;

■ новосиб. *Разнёт на тебя* [ФСРС: 163]. Слово *разнёт*, занимающее место актора в этом проклятии, вероятно, образовано от глагола с семантикой исчезновения (см. ниже о слове *зник*), ср. новг. пск. *разнётить* ‘уничтожить, обратить в нет’, пск., твер. *разнётиться* ‘пропасть, исчезнуть (неизвестно куда)’ [СРНГ, 34: 35]. Неясно появление ‘о’ в корне, но оно может быть следствием дезтимологизации;

■ новосиб. *К трафу (тебя, его и т. п.)* — «Ну тебя к трафу, к черту, значит, говорит ему» [СРНГ, 45: 12]. Эта форма, по всей видимости, является финальной в череде фонетических, грамматических и семантических изменений, произошедших в русских народных говорах с заимствованным из польского языка глаголом *трафить* ‘попадать, нападать на что-л.’, *трафиться* ‘случаться’ (< *trafic*’) [Фасмер, IV: 95], ср. также литер. *потрафить* ‘угодить’ [Шведова: 709]. Можно предположить, что «жизнь» глагола *трафить* в диалектах началась с выражений типа тобол. *Чтоб те трафило* ‘чтоб тебе сопутствовал успех’. Оборот употребляется как выражение легкого неудовольствия, снисходительного неодобрения,

²² Примечательно воронежское проклятье *Будь она турецкая* [СРНГ, 45: 266]. Думается, ксеноним, входящий в его состав, является «ложным»: скорее всего, первоначальный импульс к возникновению этой инвективы исходил от упомянутой брани на *тур*-

добродушного внушения и т. п., т. е. «да будет у тебя дело лучше» [СРНГ, 45: 13]. Затемненность внутренней формы этого заимствования и экспрессивность формулы, в составе которой оно употребляется (выражения, начинающиеся на *чтоб тебе*, редко сулят адресату хорошее), приводят к изменению иллокутивного «полюса» пожелания: алт., енис., том. *Чтоб тебя трафило* ‘напасть бы тебя взяла’ [Там же]. Следующий этап «акклиматизации» слова — фонетические трансформации и возникновение приставочных дериватов: том. *Чтоб тебя трóфило* ‘недоброе пожелание’ [Там же: 139], омск. *Трапть тебя* ‘бранное выражение’ [Там же: 8], алт. *Истрáфи тебя!* ‘черт тебя возьми!’ [ФСРГС: 89]²³, омск. *Распротрáфь тебя* (*его, её* и т. п.) *в рожу* ‘вид несерьезной брани’ [Там же: 164]. Логичным образом глагол, функционирующий в бранных формулах и «обросший» дериватами, порождает существительное с общей негативной семантикой: том., сиб. *трафа* ‘бранное слово’ — «Ах ты, трафа этакая!» [СРНГ, 45: 12], — откуда один шаг до анимизации и возникновения проклятья *К трафу тебя*.

В рассмотренных случаях слова, обозначающие квазиактора, возникли вследствие **отглагольной деривации**.

Встречаются и результаты **прямой транспозиции глагольной формы** (императив ед. ч.) в разряд существительных без словообразовательных трансформаций: тобол. *Сдынь те (тебя) возьми* [СРНГ, 37: 90]. Ср. диал. *с(з)ды́нуть* ‘поднять, приподнять что-л.’, ‘стронуть, сдвинуть с места что-л.’ и т. д. [Там же]; таким образом, злопожелание вроде **Сдынь тебя!* имеет внутреннюю форму «чтоб тебя унесло, подняло, сдвинуло с места».

Еще один случай — ряз. *Зник те станься!* [СРНГ, 11: 316]. Слово *зник*, значение которого формулируется [Там же] в виде ‘исчезни, провались’ (так!), фигурирует только в составе устойчивых выражений *знику не дать* костр. ‘не дать поклониться’, сев.-двин. ‘не дать возможности подняться’, ‘не показаться, не обнаружить себя, не дать о себе знать’, ‘не дать возможности возникнуть, существовать чему-либо’, ряз. *ни знику, ни поніку* ‘нет никаких известий о ком-либо, ни слуху ни духу’ [Там же]; ср. также донск. *нет (нету) пóзнику* ‘бесследно исчезнуть’ [СРДГ, 3: 32]. Как справедливо полагает Л. А. Феоктистова, слово *зник* в составе проклятья происходит от формы прош. вр. диалектного глагола *сникнуть* ‘исчезнуть, провалиться’, употребленной в функции императива; *зник* в составе других фразеологизмов — существительное от родственного глагола *возникнуть* (ср., к примеру, смол. *взыр* ‘возвращение, появление’); омонимия форм возникла вследствие фонетических изменений: озвончения согласного приставки в первом случае и упрощения группы согласных (*вз-*) во втором [Феоктистова 2003: 55]²⁴. В семантическом отношении модель тоже не проблематична: известны и другие проклятья с участием «персонифицированного» субъекта — носителя семантики пустоты, исчезновения: простореч. *Пусто тебя побери!* [БСПП: 544], моск. *Опрічь тебя возьми* [Войтенко, 2: 320] (ср. диал. шир. распр. *опрічь* ‘кроме’, сев., олон. *опришённый, опришённий* ‘лишенный чего-либо; обездоленный; находящийся за пределами чего-либо’ [СРНГ, 23: 298] и т. д.; подробнее см. [Березович, Сурикова 2017в]) и др.

²³ Возможно, вариантами этого же проклятья следует считать алт. *Истрáвь их (вас, тебя, его), Истрáвь его (ее, тебя, вас, их) в шары* [СРГА, 2/1: 194]. В этом случае ошибочно помещение этих выражений в словарную статью *истравить* ‘съесть корм, не предназначенный для скормливания в данное время’ [Там же].

²⁴ Существование у слова *зник* «положительных» значений (они приведены в [СРНГ, 11: 315—316]) обусловлено энантиосемией дериватов глагола *никнуть* в русском языке и других продолжений праслав. **nikati, *niknǫti* во всех славянских, ср. др.-русск., ц.-слав. *никноути* ‘возникать, появляться, произрастать’, русск. *никнуть* ‘хилеть; вянуть; погибать’, болг. *нікнѣ* ‘наклоняться, нагибаться; всходить, пускать ростки’ и мн. др. [ЭССЯ, 25: 115] (такая антонимичность значений приводит к выделению исследователями двух независимых русских глаголов *никнуть* [Фасмер, III: 74—75] и двух автономных праслав. **niknǫti / *nikati* [ЭССЯ, 25: 115]; по мнению авторов [ЭССЯ], эта этимологическая традиция ошибочна).

5. Языковое табу как механизм номинации актора

Проклятья, преследующие цель покарать адресата, считались «страшными», «сильными», «лютыми», «смертными» [Виноградова 2008: 400]. Чтобы ослабить воздействие злоречения (в том числе обезопасить себя), проклинаящий прибегает к табуизации — замене или видоизменению ключевых для злопожелания слов, в частности наименований «действующего лица» (актора) проклятья — персонифицированной болезни, негативного явления и особенно мифологического персонажа. Ср. свидетельства информантов, размышляющих об употреблении слов *леший*, *лесной*, *леман*, которые обозначают «хозяина» леса: костр. «*Лэман* лучше, это уже не *лесным* как бы. *Лесные* хоть что могут сделать, бояться *лесного*. Лучше хоть как перематюшиться, только его не поминать — *лесного-то*»²⁵; «*Лэмана* помянут — слово мяхче, не то что *леший*» [ЛКТЭ]. Однако табуистическая «шифровка» нередко призвана обеспечить и противоположный эффект — магически усилить воздействие текста, ср. размышления диалектоносителей о том же слове *лэман*: костр. «Не к *лесному* посылали, а к *лэману*, так страшнее. *Лэман* как *демон*, очень страшное слово» [Там же]. Приведем и другой пример употребления одного и того же эвфемизма в диаметрально противоположных целях: влг. *вялый* ‘эвфем. черт’ — «Нашкодит ребёнок-от, поддашь под задницу-то — от, *вялый* тебя заberi»; «*Вялым* не ругали, *вялым* грешно было» [СГРС, 2: 288] (контексты записаны в соседних деревнях Белозерского района Вологодской области).

Вне зависимости от целей табуизации можно проследить, как она «работает» в проклятиях на разных языковых уровнях — фонетическом, лексико-словообразовательном, грамматическом. В злопожеланиях встречаются слова, реализующие различные **способы «ухода» от первичного имени**. Эти способы характерны не только для проклятий, но и для других вербальных жанров традиционной культуры [Березович, Толстая 2012], однако в проклятиях они выражены наиболее ярко, причем особая концентрация обсуждаемых приемов наблюдается именно при номинации актора. В некоторых случаях табуистическая номинация приводит к появлению квазиакторов, о которых речь шла выше.

▪ Замена имени указательным местоимением: костр. *Понеси тебя этот* — «Ну, понеси тебя этот! Лешего боялися называть» [ЛКТЭ], орл., яросл., урал., тобол., дон., кубан. *Тот(-то) тебя возьми (забери, побери* и т. п.) — «Ругаеть бабка дитя и, чтобы не сорешить черными словами, говорить: и тот-то тебя забери» (дон.) [СРНГ, 44: 300].

▪ Использование заимствований из других языков: забайк. *Лайтáй тебя возьми* [ФСРГС: 103] (забайк. *лайтáй* ‘злой дух, нечистая сила’, ср. бурят. *лайтай* ‘хитрый, лукавый’ [ЭСРДС: 349]), бурят. *Хо́йн бы на тебя напал* [СРГС, 5: 224] (ср. в.-сиб. *хуйн*, забайк. *хойн* ‘боль в спине, плечах’ — из бурят. *хуян(г)* ‘онемение, одеревенение (рук или ног)’, ‘невралгия’ [Там же: 626]), карел. (русс.) *Пой к вёргаю! Неси тя вёргой!*, олон. *Пой в вёргой!* [Черепанова 1983: 76] (ср. фин. *verkanen* ‘черт’ [Мызников 2004: 145]), смол. *Коли б тебе кадúk побрал!* [СРНГ, 12: 301] (ср. влад., смол. *кадúk* ‘падучая болезнь, эпилепсия’ [Там же] — из польск. *kaduk* ‘то же’ [Фасмер, II: 157]) и мн. др.

▪ Использование субстантивированных прилагательных в роли эпитетов: тамб. *Хряси его лютый* [СРНГ, 17: 249], ленингр. *Хвати тебя ýстый!* [СРГК, 6: 708], самар. *Ах, хоть бы неприятный полюбил!* [СРНГ, 21: 129], костр. *Подика ты к ди-кому* [СРНГ, 8: 57], новосиб. *Иди к опáсному* — «Иди к опасному — это бабское ругательство, женщины так, а мужчины нет» [СРНГ, 23: 241], орл., ряз. *Лихой тебя возьми (измучь, избеи)!* [СРНГ, 17: 78], обл. *Дурной тебя возьми!* [БСРП: 208]. Любопытную подгруппу здесь представляют цветообозначения: обл. *Ступай к чёрному!* [БСРП: 734], тул. *Зелёный те убей!* [СРНГ, 11: 250], костр. *Ну его к синему, Синий тебя забери!* [ЛКТЭ], юж.-прикам. *Чтоб тебя багровым убило* [СРГЮП, 3: 263] и мн. др. (все эти формулы — отсылы к черту / лешему).

²⁵ Здесь и в других подобных случаях курсив в контекстах наш. — Е. Б., О. С.

▪ Смена «полюса» оценки. Во-первых, в злопожеланиях могут использоваться слова с положительной семантикой, приобретающие контекстно обусловленное негативное значение: арх. *К добру, Напрочь к добру* ‘выражение недовольства, брань’ [АОС, 11: 192], перм. *Ну (кого) к богу в рай* — «Ну их к богу в рай! Не рассыльна я им бегать по личным делам» [СРГСПК, 1: 112], простореч. *Ну тебя к богам!*, морд. *Ну тебя к богу!* [СРГМ, 2: 1352]²⁶, курск. *Подхвати тебя лихая доблесть!* [СРНГ, 28: 236] и др.

Во-вторых, в ряде случаев в проклятиях используется вторичное (неисконное) *не*: свердл. *Будь ты непронятой ты!* [ДСРГСУ: 285] (при перм. *Будь ты пронятой!* [СРНГ, 32: 196], ср. перм. *пронимать* ‘предать проклятию’ [СРГСУ, 5: 31]); кемер. *Леший бы его (ее) не ел!* [СРНГ, 17: 32]; костр. *Будь ты недаровой!* — «Будь ты недаровая — нестрашная брань, без злости» [ЛКТЭ] (при костр. *Будь ты даровой!* — «Ну, будь ты даровой, иди к черту — в сердцах скажут, как проклятие» [ЛКТЭ])²⁷; калуж. *Перевод ты не возьми, не возьмет* [СРНГ, 26: 53] (при ворон. *Перевод тебя взял бы!* [Там же]); ср. еще архангельскую инвективу *непадшой дух* — «Отойти от меня, непатшой дух!» [АОС, 12: 394]. Эти примеры встают в ряд с другими фактами употребления неисконного *не* в лексике с негативной семантикой, в том числе в демонимах: карпат. бойк. *нёворог* ‘враг’, орл. *ненапастье* ‘беда, неприятность, несчастье, напасть’, смол. *нячорт, никаянный* ‘черт’ [Толстой 1995: 344—345; Петлева 1998: 247].

▪ Замена слова паронимом. Выше говорилось о внутритекстовой аттракции (*Рожу твою на рожон*); здесь мы рассмотрим паронимические отношения, которые проявляются на уровне парадигматики (слово-стимул — «за текстом», заменяющий его пароним — в тексте). На явления паронимической аттракции следует остановиться подробнее, поскольку слова, возникшие в результате, бывают достаточно трудны для интерпретации. Ключевым для злопожеланий естественно считать слово *проклясть*. В ряде формул оно подвергается шифровке, а вместо него фигурируют лексемы, входящие с ним в отношения аттракции.

Так, к числу подобных формул можно отнести те, в которых функционируют «квазиимена» (а личное имя, как известно, обладает сильным шифрующим эффектом): влг. *Будь ты прокóп!* [КСГРС], арх. *Будь ты про́шка* — «Будь ты прошка, негодяй, все цветы мне побломал» [СРГК, 5: 325]. Очевидно, в именах *прокоп* и *прошка* содержится отсылка к близкому по звучанию слову *проклят*. Думается, таким же образом возникло сиб. *про́кшатый* ‘проклятый, связанный с нечистой силой’, которое встречается в составе сибирского проклятия *Будь он (ты) про́кшатый!* [СРНГ, 32: 168]. Более того, слова на *прок-/прох-* входят в своеобразную сеть, в которой взаимодействуют звуочные образования от *проклясть, понимать*, ср. перм. *пронимать* ‘предать проклятию’ [СРГСУ, 5: 31], *п(р)окатить*: перм. *Будь прокатой / покатой!* [СПГ, 1: 72], перм., новосиб. *Будь ты пронятой!* [СРНГ, 32: 196; СРГС, 4: 39], новосиб. *Будь ты (он, она и т. д.) прончатый!* [ФСРГС: 155], перм. *Будь прони!* [СПГ, 1: 72] и др. Наиболее темное из приведенных слово — *прони* — появилось, думается, как результат разворачивания цепочки *проклинать* → *пронимать* → *прони*. Возможно, в эту же сеть входит и арх., печор. *про́кша* ‘нечистый дух, черт, леший’ [СРНГ, 32: 168].

Ключевое слово (*про*)*клясть* может быть зашифровано и с помощью паронимов, имеющих в своем составе звукокомплекс *кля-*: калуж. *Кляц тебе сядь!* [СРНГ, 13: 337], ворон., ленингр. *Кляп с тобой* [Там же: 331], пск. *К кляпу (иди, пошёл)* [ПОС, 14: 246—247], влг., ленингр. *Кляп тебе в рот* [СРНГ, 13: 331]. И если *кляп* — обозначение разного рода палок, кольев, затычек [Там же: 330—331] и эвфемизм мужского полового члена [ПОС, 14: 247] — еще мог возникнуть в инвективах самостоятельно (ср. простореч. *Хрен с тобой* и общеизвестные обценные выражения), то *кляц*, очевидно, появился исключительно в результате фонетической аттракции (системно-языковые значения этого слова — ‘зуб бороны’

²⁶ Энантиосемия соответствующих слов проявляется и вне проклятий, ср.: арх. *добро* ‘нечто положительное, хорошее’ и ‘что-н., не представляющее никакой ценности’ [АОС, 11: 190—191]; простореч. *бог с тобой*: ‘выражение согласия, примирения’ и ‘выражение упрека, несогласия, удивления’ и т. д.

²⁷ Подробнее о словах *даровой* и *недаровой* в составе проклятий см. [Березович, Сурикова 20176].

(курск., ворон., смол., новосиб.), ‘зуб у граблей’ (брян., новосиб.) и т. д. [СРНГ, 13: 337]). Возможно, аллюзию к *проклинать* содержит слово *клин*, выступающее в влг. *Клин (тебе) в душу!* [КСГРС].

Паронимической аттракции могут подвергаться, разумеется, не только словоформы, близкие к *проклясть / проклинать*, но и другие слова. Так, на Русском Севере фиксируются проклятия, в которых фигурирует слово *извѹд*: арх. *Извѹд с тобой!*, олон. *Извѹд ты возьми!*, олон., сев. *К извѹду ты!* [СРНГ, 12: 108], ср. олон., сев. *извѹд* ‘черт, дьявол; водяной’, ряз. *извѹды* ‘то же’ [Там же] (только в составе формул). Вероятно, перед нами производное от глагола *извести, изводить*; возможность образования таких форм подтверждается существованием ворон. *извѹда* ‘мучитель, мучительница; ехидный человек’ [Там же]. Однако анимизация *извода*, наиболее явная в формуле *К изводу ты*, могла произойти в результате притяжения к лексемам, называющим водяного и образованным от предложно-падежной формы *из воды*, ср. ряз. *изводѣнный* ‘водяной, черт’ («Не купайся глубоко — изводѣнный», «Ох ты, изводѣнный») [Там же].

▪ Уни в е р б а ц и я. Продуктом универбации с последующей фонетической трансформацией и частеречной транспозицией (субстантивацией) является слово *бодай* из выражения *Забери тебя бодай!* (волгогр.) [БСПП: 49]: *бодай* < *бог дай*. Ср. примеры междометного, а затем глагольного функционирования универбата: смол., тамб., ворон. *Богдай²⁸ тебя (тебе)!* [СРНГ, 3: 47], ворон., смол., тамб., енис. *Бодай тебе!* [Там же: 54]. Смысловая связь с исходным **бог дай* прослеживается, к примеру, в енис. *Бодай те провалиться* [Там же]. Однако есть выражения с формой *бодай*, где можно предполагать вторичное притяжение к *бодать* ‘колоть рогами’, которое хорошо вписывается семантически в круг слов, являющихся предикатами злопожеланий. Такая аттракция, на наш взгляд, проявляется в тех выражениях, где происходит замена глагольного управления — глагол управляет местоимением не в дат. п., а в вин. п.: терск., дон., пск. *Бодай тебя!* [СРНГ, 3: 54], краснояр. *Хвороба тебя бодай* [СРГЦРКК, 5: 56] и др.; закрепление аттракционных процессов происходит во фразах с формой *забодай*: вят. *Кереметь тебя забодай* [ОСВГ, 5: 39], волгогр. *Забодай (кого-л.) болячка* [СДГВО: 50]. Возвращаясь к выражению *Забери тебя бодай*, отметим, что оно дает следующее звено в цепи преобразований: в нем субъект «бодания» оказывается персонифицированным.

Похожие примеры — новг. *Побери его нálezь* [НОС₂: 604] (вероятно, *нálezь* — субстантивированный универбат выражения типа **на лес ты*, ср. новг. *На лес тебя угонь!* [СРНГ, 19: 95], а также новг. *налесовник* ‘бранное слово’ [СРНГ, 20: 12]) и вят. *Нáболести тебе* [ОСВГ, 6: 124], ср. вят. *Иди нá болесь* [ОСВГ, 1: 87], костр. *Подь ты нá болесь* [ЛКТЭ], вят. *Бóлести бы тебе* [ОСВГ, 1: 87].

Примечателен также случай влг. *Квѹмут (с ним)* — «Квѹмут, не знаю, чего и делать, вот как спуталось» [СВГ, 3: 53]. Рискнем предположить, что здесь имело место «сращение» сочетания **к* (кому-то, например, *чертям*) в *омут*; получение «темного», зашифрованного слова «играет на руку» магической функции проклятий. Семантический фундамент этой версии создается за счет того, что *омут* как типичный опасный локус нередко фигурирует в проклятиях: новг. *В омут боком (кого)* [Сергеева 2004: 23], влад. *В омут те головой* [СРНГ, 23: 206], новг. *Омут возьми* [СРГК, 4: 200], влг. *Понеси ты в омут!* [Тенишев: 540] и др.

Факты универбации неслучайно перечисляются нами в качестве иллюстраций того, как действует в проклятиях механизм табуизации. Собираателям диалектной лексики и фольклористам-полевикам хорошо известно, как информанты произносят «под запись» заговоры, молитвы или даже брань: скороговоркой, меняя местами слова и слоги, — так, чтобы сакральный или «запретный» текст не звучал «всуе». По всей видимости, универбация в проклятиях — результат действия тех же законов: невнятно и быстро произнесенное злопожелание, «слепленные» слова, намеренно «затемненный» текст теряют часть своей разрушительной силы.

²⁸ Нестяженные формы встречаются и в близкородственных языках, ср., к примеру, блр. *Багдай ты акалеў, Багдай яго ліха ўзяла* [Выслоўі: 202].

▪ Эллипсис компонентов текста. Такую же цель преследует использование в инвективах эллипсиса, который, кроме прочего, «потакая» стремлению проклятий к сжатости текста, способствует их дополнительной экспрессивности. Приведем примеры, когда эллиптируются слова, занимающие позиции наиболее устойчивых актантов злопожелания (кроме объекта: он, как говорилось выше, присутствует в абсолютном большинстве проклятий)²⁹.

Эллипсису могут подвергаться лексемы, называющие объект проклятия; проклятья такого типа представляют собой безличные предложения: хакас. (русск.) *Наране*³⁰ (*вам, тебе и пр.*) *всядь в живот* [СРНГ, 20: 119], омок. *Испрохвату́ (кого) в рожу!* [ФСРГС: 89], омок. *Мазни тебя!* [Там же: 109], новосиб. *Помахывало тебя* [Там же: 145], омок. *Проезди тебя* [Там же: 154]; ср. еще злопожелания с окказиональными формами глаголов: омок. *Поморни тебя!* [Там же: 144], зап., юж.-сиб. *Скорби его!* [Там же: 180] и мн. др.

Эллиптироваться способен глагол: ср. простореч. *Чтоб тебя! Черт тебя!*, том. *Якорь тебя (его, её, их)* [ФСРГС: 224] и др. Интересен пример, в котором эллипсис предиката приводит к созданию квазиактора, ср. архангельское проклятье *Будь ты троя!* [СРНГ, 45: 141], развившееся из инвектив типа свердл., костр. *Будь ты трю́ю* [СРГСУ, 1: 59; ЛКТЭ]³¹. «Полный» вариант этих злопожеланий выглядит так: вят., перм., сиб. *Будь ты трою проклят!* [СРНГ, 45: 141], перм. *Будь трое проклятой (трое со свету)!* [ФСПГ: 37; СПГ, 1: 72]. Характерно, что устранение из состава проклятия предиката, приводящее к «автономизации» числительного, оборачивается не только субстантивизацией последнего (как в случае *Будь ты троя!*), но и к появлению его глагольных дериватов (костр. *тробить* ‘проклинать’ — «Все троила мужика, троила, к чертям посылала» [ЛКТЭ], перм. *трóйкать* ‘ругать, бранить, используя проклятья’ — «Шибко я его тройкала: будь, мол, ты трою проклятой» [СПГ, 2: 449]) и дальнейшим трансформациям всего выражения: перм. *Мать во трóйху!* [ФСПГ: 211—212], перм. *Дуй трой проклят!* [СПГ, 1: 239] и пр.

6. Обозначения актора проклятий и режимы коммуникации

Как говорилось выше, квазиактор, как правило, обозначается контекстно обусловленной лексемой, не существующей вне текста проклятия. Однако есть случаи (хоть и редкие), когда такие лексемы выходят за пределы текстов проклятий и либо попадают в другие жанры речи, основанные на диалоговом режиме коммуникации (например, в формулы угроз), либо фиксируются в нарративном коммуникативном режиме.

Так, выше рассматривалось проклятие *Забери тебя бодай!* (вологр.), где *бодай* < *богдай* (возможно, при аттракции к *бодать*). Интересно, что может произойти «оживление» этого «персонажа», когда он обнаруживается в составе угроз, обращенных к детям; при этом фонетический и словообразовательный облик слова претерпевает дальнейшие изменения вследствие дестимологизации: влг. *бодáй, бадáй, бадя́, ба́дя, бага́й* ‘мифическое существо, которым пугали детей’ — «Бадяй придёт, в сумку тебя посадит, — детей пугали, кто не слушался», «Вот бадя придёт да заберёт тебя», «Не ходи, бодай схватит», «Спи, а то бадяя позову», «Мы бадяем пугаем ребенка», «Бадяй-то всё слышит» [СГРС, 1: 40, 130; СЗГВО, 1: 21; КСГРС]³².

²⁹ О «факультативных» актантах, которые реализуются далеко не во всех текстах злопожеланий, — топосе и инструменте — речь идти не будет.

³⁰ Ср. омок. *наранé* ‘рано’ [СРГС, 2: 352], краснояр. *нара́не* ‘рано утром’ [СРНГ, 20: 119].

³¹ Ср. подобную формулу с участием другого числительного: костр. *Будь ты семеро!* [ЛКТЭ].

³² Более прозрачная форма *бодай* записана в том же Шекснинском районе Вологодской области, в котором зафиксированы и другие варианты — *бада́й* и др. (распространенные также в других районах западной части Вологодчины); это обстоятельство укрепляет нас в мысли о том, что данные формы генетически идентичны.

Другой пример демонстрирует переход лексемы из проклятий в нарративный режим. В архангельских говорах фиксируется слово *желва́к*, помещенное в [АОС, 13: 271] с дефиницией ‘бран. черт, леший’ и в [СГРС, 3: 348] с дефиницией ‘черт’. Релевантность такого определения подтверждается контекстами: «Йесли человек не закрылся, йево желвак унесыи можэт. Унесёт йего жылвак, йесли не закрылся от чёрной силы»; «Ф самом Йе-мещке ходят, там какой желваг бродит» [АОС, 13: 271], «Нецистого желваком зовём, цтобы *цёрт* не говорить» [СГРС, 3: 348]. Этот демоним, по всей видимости, появился на основе проклятий типа арх. *Понеси тебя желвак*, а также бранных выражений *Какой (еще, кой) желвак (кому) (нужно), до желвака́ ‘очень много’, ни желвака́ ‘совсем, совершенно, ни-сколькó’* и др. [АОС, 13: 271—272], в которых *желвак* является функциональным эквивалентом *лешего* или *черта*. Исходное значение слова *желвак* — ‘вздутие под кожей, опухоль, нарыв’ [Там же: 271]; этот лексико-семантический вариант, а также близкие ему арх. *жоб́лви, жоб́вьа*, влг. *жёлги* ‘нарывы, фурункулы’ и др. постоянно употребляются в составе проклятий и другого рода экспрессивных выражений, записанных на территории Русского Севера [АОС, 14: 254, 256; СГРС, 3: 348—349; СРГК, 2: 44—45].

7. Некоторые спорные случаи

Подвергшиеся фонетическим и словообразовательным трансформациям эвфемистические формы слов (или новые слова) нередко впоследствии «затемняются», меняют частеречную принадлежность и синтаксическое управление. Остановимся на нескольких темных случаях, когда в результате табуистических замен в проклятиях появляются текстово обусловленные, жанрово привязанные (квази-)слова, называющие актора злопожелания.

- тул. *Гын да тебя возьми* [СРНГ, 7: 252]. Составители СРНГ приписывают слову *гын* значение ‘черт’, опираясь только на приведенную бранную формулу. Вероятно, мы вновь имеем дело с квазидемонимом: лексема *гын*, скорее всего, связана по происхождению с пск., смол. *гынь* ‘слово, которым отгоняют гусей’, курск., ворон. *гыль* ‘то же’ [Там же]. *Гыль* (наряду с вариантом *гиль* (юж., ворон.) [СРНГ, 6: 172]) квалифицируется как украинизм и восходит к украинскому диалектному междометию *гилья́, гиль* ‘слово, которым отгоняют гусей, уток, голубей’ [РЭС, 10: 222]. Возможно, закреплению формы *гынь* в отгонном смысле способствовало также притяжение к глаголам *гсгнь, гинь* (ср. влг. *Гинь ты, окоянный!* [СРНГ, 6: 183]). Перед нами интересное явление: отгонное слово с присутствием ему негативными коннотациями, которые обусловлены условиями употребления лексемы (отрывистый и громкий крик *гынь-гынь*, призванный прогнать птицу), меняет частеречную принадлежность, становясь существительным, в значении которого отражена идея провала, пропасти, исчезновения, — и ложно «одушевляется». Симптоматично и другое вторичное проявление негативной семантики отгонного слова: в курских говорах есть устойчивое выражение *гиль гнать* ‘постоянно сердясь, делать кому-либо неприятности’ — «Ен гиль гоня на мене! — жаловалась невестка на свекра» [СРНГ, 6: 172].

- вят. *Мосяк тебя подери (понеси, возьми), Мосяка́ тебе в соседи* [ОСВГ, 6: 86]. Слово *мосяк* (вят., новосиб.) получает в [ОСВГ, 6: 86; СРНГ, 18: 294] дефиницию ‘бранное слово’; в [ОСВГ, 6: 86] трактуется также как ‘черт, леший’ — на основании единственного контекста: «Мосяк тебя заберёт». Стоит обратить внимание на преимущественно несвободный характер употребления этой лексемы — она встречается, как правило, в составе проклятий: вят. *Мосяк тебя подрал!, Мосяк их принёс!, Ну, мосяк понеси!, Мосяк тебя возьми!, Мосяка тебе в соседи!* [Там же]. *Мосяк* функционирует также в инвективах (вят. «Вы, мосяки, опять кусков наломали!», «Мосяк ты эдакий!», «Ну и мосяк же ты какой!» [Там же]), однако информанты не способны объяснить, что обозначает это слово: «Ругаемся *мосяк*, да и все. Я и сама не знаю, что такое мосяк. Мосяк тебя возьми! Ах ты, мосяк!» (новосиб.) [СРНГ, 18: 294]. Можно предположить, что это бранное слово — заместительная номинация черта, первоначально возникшая в текстах проклятий, а затем «мигрировавшая» в другие жанры злоречений и утратившая «привязку» к денотату (представителю нечистой силы).

Возможно, слово *мося́к* родственно простореч. *мо́ська* ‘морда, рожа’, ср. также арх. ‘лицо со вздернутым носом’ [Там же]³³, — и встраивается, таким образом, в модель наименований черта по признаку его уродства, неопрятности (особенно существенны здесь представления о том, что черт имеет собачью морду или похож на свинью — с пятачком вместо носа [Березович, Виноградова 2012: 520]). Не исключено также влияние на лексику со стороны распространенного прозвища *Мося́га* (< *Моσεί* / *Моисей*) [Унбегаун 1989: 76].

▪ Другой случай языковой «эволюции» заместительной номинации черта, когда она перестает соотноситься с референтом и начинает «жить своей жизнью», обрстая дериватами, — проклятье *Разнолетник тебя (вас, его и пр.) расшиби!* (с пометой «народное») [БСРП: 554]. Слово *разнолетник*, получающее дефиницию 1) ‘один из видов черта’, 2) ‘сердечный удар’ [Там же], выглядит как сложение прил. *разный* и сущ. мн. ч. *лета* ‘годы’ и словообразовательно членится следующим образом: **разно-лет-ник*. При этом соотношение внутренней формы этой лексемы и ее семантики (в том виде, в котором она очерчена авторами [БСРП]) неясно — и не прояснится, пока мы не обратимся к функциональным номинациям черта, а также бранным словам, относящимся к совершенно другому гнезду — *летать*. Известны демони́мы *лету́н* (влад., морд.) [СРНГ, 17: 25; СРГМ, 1: 488] и *налётный* (морд.) [СРГМ, 1: 607], фигурирующие в составе злопожеланий *Ну тебя (его, их и т. п.) к летуну!* *Налётный бы тебя (вас, их и т. п.) взял (не видал)!* (морд.) [СРГМ, 1: 488, 607], а также бранное слово, очевидно, напрямую выводимое из обозначений чертей, — том. *разналетна* [СРНГ, 34: 33]. Сходство «мифического» *разнолетника* с *разналетной* настолько явно, а его текстовое функционирование так близко к бытованию в инвективах *летуна*, что не вызывает сомнений факт перераспределения слова при подаче в словаре: *раз-на-лет-ник* (< *летать*) → **разно-лет-ник* (< *разный* + *лета*). Связь разбираемого слова с глаголом *летать* подтверждается также активностью в проклятиях полипрефиксальных образований — особенно с участием приставки *раз-*, ср. омск. *Разопáсни кого в душу* [ФСРГС: 164] (при омск. *Опáсна тебя в душу* [СРНГ, 45: 316]), иркут. *Распятна́й тебя (его, её и т. п.)* [ФСРГС: 164] (при иркут. *Пятна́й тебя (его, её и т. п.) <в глаза>!* [Там же: 159]), омск. *Распротра́фь тебя (его, её и т. п.) в рожу* [Там же: 164] и даже омск. *Распроя́кри кого в душу* [Там же] (ср. омск., ср.-обск., том. *Проя́корь тебя (его и т. д.) <возьми>* [СРГС, 5: 386], а также новосиб., кемер., том. *Якорь тебя (его, её, их)* [ФСРГС: 224]) и мн. др. Так — из-за простой пунктичности в графической передаче диалектных слов — множатся инвективные квазисушности.

▪ ворон. *Морі́ б тебя выморила* ‘ругательство, бранное выражение казачек’ [СРНГ, 18: 263], видимо, имеет непростую судьбу. Необычный облик существительного, занимающего позицию актора в этом выражении, и гендерная привязка высказывания (женская брань) наталкивают на мысль о связи этой бранной формулы с фрагментом детской песни, исполняемой во время купанья и записанной в Архангельской области: «Того солью солить, *Того морью морить*, Кто долго в воде сидит» [Там же: 264]. Можно предположить, что этот песенный фрагмент, имеющий структуру угрозы («того, кто нарушает правила, будут солить, морить (совершать с ним некоторые — возможно, деструктивные — действия)»), подвергся переосмыслению и трансформировался в злопожелание. В сочетании *морью морить* существительное образовано от глагола (ср. *мор*, *смерть*, восходящие к **тыр-*), но явно испытало притяжение к слову *море* ‘водное пространство’³⁴. Неясно, следует ли говорить

³³ Есть еще простореч. *моська* ‘небольшая собачка’, которое, вероятно, является ласкательным образованием от *мопс* [Фасмер, II: 663]. Встает вопрос о связи «собачьего» и соматического значений. По мнению М. Фасмера, второе производно от первого под влиянием слова *морда* [Там же]. Авторы [ЭСРЯ, 10: 329] высказываются на эту тему несколько невнятно: «Нельзя не заметить близости этого слова <моська ‘собачка’> к диал. и простореч. *моська* ‘лицо со вздернутым носом’: не мотивировано ли название собачки (мопса) ее приплюснутой мордой?». Из этого высказывания можно сделать вывод о первичности соматического значения (и вторичности «собачьего»), но тогда неясны его истоки. Предпочтение хочется отдать версии М. Фасмера.

³⁴ Ср. тул. *мо́рья*, арх., новг., самар. *мо́рье* ‘море’ [СРНГ, 18: 282].

о проникновении архангельской песни на юг — или же о независимом появлении ворожежского проклятия на основе механизма тавтологии.

Выводы

Подведем итоги. В статье рассматривался важный элемент логико-смысловой структуры проклятий — актор (существо, предмет, явление, которое, по мысли исполнителя текста, должно причинить вред проклинаемому). Для реализации целеустановок текста актор не столь значим, как предикат проклятия, однако эта категория отличается широким репертуаром смысловых ролей и богатством средств лексического воплощения. Можно сказать, что при продуцировании текста проклятия лингвокреативная энергия говорящего уходит главным образом на создание образа актора, ведь представления о его вредоносных действиях априорны — и их вербализация требует меньших номинативных усилий.

Актор предстает в следующих логических ролях: субъектная (основная), инструментальная, локативная и определительная (последняя реализуется крайне редко).

Выделяются основные семантические типы лексики, выступающей в роли актора проклятий: «мифологическое существо, представитель нечистой силы; персонаж народного христианства»; «болезнь, болезненный симптом»; «смерть и ее атрибуты»; «опасное животное»; «природная стихия»; «беда, несчастье, напасть»; «иноходец»; «угрожающее оружие, инструмент»; «персонифицируемый топос (опасный, отдаленный или потусторонний)». Нередки ситуации, когда в семантике обозначений актора сочетаются смыслы, относящиеся к нескольким выделенным группам.

Если перечисленные группы вполне ожидаемы и предсказуемы, то наиболее интересен и специфичен еще один разряд акторов — квазиакторы, которые реализуют механизм персонификации, являясь при этом контекстно обусловленными и не функционируя (или ограниченно функционируя) как самостоятельные номинативные единицы. Именно этот круг фактов привлек к себе особое внимание авторов данной статьи. Возникновение «реальных» акторов определяется главным образом мировоззренческими (когнитивными) причинами, в то время как появление квазиакторов вызвано собственно языковыми механизмами, которые обусловлены требованиями жанра проклятий. В их числе лексическая инерция (тавтология), в результате которой появляются окказиональные отглагольные существительные (ср. ворон. *Подхвát тебя подхвати*, курск. *Осади осáд* и др.); отглагольная деривация (вне тавтологических глагольных конструкций), ср. смол. *Зáкрут тебя возьми*, твер. *Разóрва те возьми*. При этом отглагольные формы тоже могут иметь окказиональный характер (ср. ленингр. *Ну ты к задáву*, карел. *Сплýсень с ней*). К отглагольной деривации примыкает более редкое явление прямой транспозиции глагольной формы (тобол. *Сдынь те возьми*, ряз. *Зник те станься*).

В номинативном воплощении позиции актора проклятия (в том числе квазиактора) нередко ощущается действие механизмов табуирования. Выделяются различные способы «шифровки» первичного имени:

- замена имени указательным местоимением (костр. *Понеси тебя этот*);
- использование заимствований из других языков (забайк. *Лайтáй тебя возьми*);
- употребление субстантивированных прилагательных в роли эпитетов (тул. *Зеленый те убей*);
 - смена полюса оценки (использование слов с положительной семантикой, имеющих контекстно обусловленное негативное значение: курск. *Подхвати тебя лихая доблесть*; употребление вторичного *не*: кемер. *Леший бы его не ел*);
 - замена слова паронимом (например, в роли квазиакторов в определительных конструкциях фигурируют имена *прокоп*, *прошка* и *прохор*, отсылающие к близкому по звучанию слову *проклят*);
 - универбация (волг. *Забери тебя бодай < бог дай*);
 - эллипсис компонентов текста (арх. *Будь ты трóя*).

Действие данных механизмов в проклятии, разумеется, не имеет своей единственной целью создание акторов и квазиакторов, однако последние являются наиболее концентрированным, характерным и показательным результатом такого действия. Анализ квазиакторов, аккумулирующих значительные лингвокреативные возможности проклятий, стал «пуантом» данной статьи.

Выделенные особенности реализации категории актора ярко демонстрируют магическое целеполагание проклятий и их «перформативность» — стремление говорящего добиться действенности слова. Отсюда, с одной стороны, особая роль глагольных ресурсов при образовании квазиакторов, а с другой — нередкая «зашифрованность» последних, их окказиональный характер.

Номинативный импульс, приводящий к созданию квазиакторов, может оказаться настолько сильным, что эти слова (пусть в редких случаях) преодолевают контекстную обусловленность и либо попадают в другие жанры речи, основанные на диалоговой коммуникации (в формулы угроз), либо отмечаются в нарративном режиме коммуникации (ср. влг. *бада́й, бада́й, бада́* и др. ‘мифическое существо, которым пугали детей’ < *бог дай*).

Все сказанное помогает осуществить семанτικο-мотивационную и этимологическую реконструкцию ряда «темных» слов, функционирующих в проклятиях, ср. сиб. *Будь он (ты) про́кшатый*, новосиб. *К тра́фу (тебя, его и т. п.)*, калуж. *Иди ты на тур* и др. Из наших наблюдений вытекают и последствия в области практической лексикографии: думается, составителям словарей следует с особой тщательностью подходить к подаче и семантической интерпретации опорного слова проклятий, чтобы читатель мог сделать вывод о контекстной обусловленности лексем, обозначающих квазиакторов, и их номинативной несамостоятельности.

Таким образом, изучение актора проклятий помогает понять специфику этого речевого жанра, проследить его связь с базовыми механизмами наивного / обыденного сознания (анимизм, табуизация), определить особенности действия механизмов номинации в условиях повышенной прагматической нагрузки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. Гецовой О. Г. М.: Изд-во МГУ, 1980—. Вып. 1—2. Барсов, 1—2 — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 2 т. / Изд. подгот. Чистова Б. Е., Чистов К. В. СПб.: Наука, 1997.
- БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- БТДК — Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003.
- Войтенко, 1—2 — Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Логос, 1995.
- Выслоўі — Выслоўі / Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і камент. Грынבלата М. Я., рэд. Фядосік А. С. Мінск: Навука, 1979.
- Даль, 1—4 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1989.
- ДСРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. Матвеева А. К. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.
- КСГРС — Картоотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- НОС₁ — Новгородский областной словарь: в 12 вып. / Отв. ред. Строгова В. П. Новгород: Изд-во Новгородского пединститута, 1992—1995.
- НОС₂ — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. Левичкин А. Н., Мызников С. А. СПб.: Наука, 2010.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / Ред. Востоков А. Х. СПб.: Тип. Имп. АН, 1852.

- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / Под ред. Долгушева В. Г., Сметаниной З. В. Вып. 1.— Киров: Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996—.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1.— Л.: Изд-во Ленинградского ун-та; СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1967—.
- РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1.— М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Нестор-История, 2007—.
- Садовников 1996 — Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Садовников Д. Н. М.: Терра, 1996.
- СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12 т. / Под ред. Паникаровской Т. Г. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983—2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. Матвеева А. К. Т. 1.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Кудряшова Р. И., Брыкина Е. В., Супрун В. И.; под ред. Кудряшовой Р. И. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
- Сергеева 2004 — Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004.
- СЗГВО — Словарь западных говоров Вологодской области / Отв. ред. Тихомирова Н. П. Вып. 1.— Череповец: ЧГУ, 2016—.
- СОГ — Словарь орловских говоров / Под ред. Бахваловой Т. В. Вып. 1.— Ярославль; Орел: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского; ОГПУ, 1989—.
- СПГ — Словарь пермских говоров: в 2 вып. / Под ред. Борисовой А. Н., Прокошевой К. Н. Пермь: Книжный мир, 1999—2002.
- СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. СПб.: Норинт, 2001.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая: в 4 т. / Под ред. Воробьевой И. А., Ивановой А. И. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993—1998.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. Герд А. С. Вып. 1—6. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994—2005.
- СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Науч. ред. Подюков И. А. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 т. СПб.: Наука, 2013.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / Под ред. Федорова А. И. Новосибирск: Наука, 1999—2006.
- СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. Русинова И. И. Вып. 1.— Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011—.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / Под ред. Матвеева А. К. Свердловск: Среднеурал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964—1987.
- СРГЦРКК — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. / Под общ. ред. Фельде (Борхвальдт) О. В. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2003—2011.
- СРГЮП — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010—2012.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров: в 3 т. / Авт.-сост. Валушинская З. В. и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1975—1976.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— / Гл. ред. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—.
- ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / Отв. ред. Бояринова Л. З., Иванова А. И. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974—2005.
- Тенишев — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды / Авт.-сост. Мадлевская Е. Л., Холодная Е. Г. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.
- Фасмер, I—IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1964—1973.
- ФСГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / Сост. Ставшина Н. А. СПб.: Наука, 2008.

- ФСПГ — Фразеологический словарь пермских говоров / Сост. Прокошева К. Н. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. Федорова А. И. Новосибирск: Наука, 1983.
- Шведова — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Шведова Н. Ю. М.: Азбуковник, 2011.
- ЭСМРП — Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / Сост. Русина И. И., Черных А. В., Шумов К. Э., Нечаева Л. С. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. Рукопись.
- ЭСРДС — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. и рук. Шанского Н. М., Журавлева А. Ф. Т. 1.— М.: Изд-во МГУ, 1963—.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. Трубачева О. Н., Журавлева А. Ф. Вып. 1.— М.: Наука, 1974—.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10 вып. / Науч. ред. Мельниченко Г. Г. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Березович, Виноградова 2012 — Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Черт // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Толстого Н. И. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 519—527. [Berezovich E. L., Vinogradova L. N. Devil. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*: in 5 vol. Tolstoj N. I. (ed.). Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2012. Pp. 519—527.]
- Березович, Сурикова 2017а — Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // *Jezikoslovni zapiski. Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine*. 2017. № 23(2). S. 67—81. [Berezovich E. L., Surikova O. D. Reconstruction of the vocabulary of the Russian folk imprecations: General characteristics of the imprecation predicate. *Jezikoslovni zapiski*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 67—81.]
- Березович, Сурикова 2017б — Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К семантической реконструкции лексики проклятий (на материале говоров Волго-Двинского междуречья) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23: Специальный выпуск. С. 28—33. [Berezovich E. L., Surikova O. D. Towards semantic reconstruction of the vocabulary of imprecations (on the basis of the dialects of the Volga-Dvina interfluv). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. Vol. 23: Special issue. Pp. 28—33.]
- Березович, Сурикова 2017в — Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики народных говоров) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XII. Диалектология / Гл. ред. Молдован А. М. М.: Нестор-История, 2017. С. 137—158. [Berezovich E. L., Surikova O. D. Spatial and temporal markers in the texts of the Russian imprecations (based on the vocabulary of folk dialects). *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. XII. Dialektologiya*. Moldovan A. M. (ed.). Moscow: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 137—158.]
- Березович, Толстая 2012 — Березович Е. Л., Толстая С. М. Табу языковое // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Толстого Н. И. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 224—228. [Berezovich E. L., Tolstaya S. M. Linguistic taboo. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*: in 5 vol. Tolstoj N. I. (ed.). Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2012. Pp. 224—228.]
- Виноградова 2005 — Виноградова Л. Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Свешникова Т. Н. (отв. ред.). Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 425—440. [Vinogradova L. N. Formulas of threats and imprecations in Slavic incantations. *Zagovornij tekst. Genезis i struktura*. Sveshnikova T. N. (ed.). Moscow: Indrik, 2005. Pp. 425—440.]
- Виноградова 2008 — Виноградова Л. Н. К проблеме типологии и функции магических текстов: Формулы проклятий в народной культуре // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации / Отв. ред. Молдован А. М., Сазонова Л. И. М.: Индрик, 2008. С. 397—411. [Vinogradova L. N. On the problem

- of typology and function of magic texts: Formulas of imprecations in folk culture. *Pis'mennost', literatura i fol'klor slavyanskikh narodov. XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moldovan A. M., Sazonova L. I. (eds.). Moscow: Indrik, 2008. Pp. 397—411.]
- Виноградова 2012 — Виноградова Л. Н. «Отсылка к нечистой силе» — общеславянский мотив проклятий // Заједничко у словенском фолклору. Зборник радова / Ур. Раденковић Љ. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. С. 47—62. [Vinogradova L. N. «Reference to the devilry» — Common Slavic motive of imprecations. *Zajedničko u slovenskom folkloru. Zbornik radova*. Radenković Lj. (ed.). Beograd: Balkanološki Institut SANU, 2012. Pp. 47—62.]
- Виноградова, Седаква 2009 — Виноградова Л. Н., Седаква И. А. Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Толстого Н. И. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 286—294. [Vinogradova L. N., Sedakova I. A. Imprecation. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'*: in 5 vol. Tolstoj N. I. (ed.). Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2009. Pp. 286—294.]
- Гришанова 2001 — Гришанова В. Н. Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания // Вендина Т. И. (ред.). Славянский альманах 2000. М.: Индрик, 2001. С. 467—472. [Grishanova V. N. Fixed collocations with the meaning of bad wishes. *Slavyanskii al'manakh 2000*. Vendina T. I. (ed.). Moscow: Indrik, 2001. Pp. 467—472.]
- Живов 2006 — Живов В. М. Исторический очерк о церковнославянском языке // Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык. М.: Изд. совет РПЦ, 2006. С. 9—20. [Zhivov V. M. A historical essay on Church Slavonic. Pletneva A. A., Kravetskii A. G. *Tserkovnoslavyanskii yazyk*. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2006. Pp. 9—20.]
- Козельская 2004 — Козельская И. В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров. Дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орл. гос. ун-т, 2004. [Kozel'skaya I. V. *Sintaksicheskaya struktura i komponentnyi sostav dialektnykh ustoychivykh vyrazhenii so znacheniem nedobrogo pozhelaniya kak otrazhenie mirovospriyatiya nositelei govorov*. Kand. diss. [Syntactic structure and component composition of dialectal fixed collocations with the meaning of bad wishes as reflection of the worldview of the dialect native speakers. Cand. diss.]. Orel: Orel State Univ., 2004.]
- Мызников 2004 — Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. [Myznikov S. A. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: etimologičeskii i lingvogeograficheskii analiz* [Lexicon of Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the North-West: Etymological and linguogeographical analysis]. St. Petersburg: Nauka, 2004.]
- Петлева 1998 — Петлева И. П. Еще раз к вопросу о *не* — не 'не' // Агапкина Т. А., Журавлев А. Ф., Толстая С. М. (ред.). Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого: в 2 т. Т. 1. М.: Индрик, 1998. С. 246—251. [Petleva I. P. The problem of *ne* — not 'ne' revisited again. *Slovo i kul'tura. Pamyati N. I. Tolstogo*: in 2 vol. Vol. 1. Agapkina T. A., Zhuravlev A. F., Tolstaya S. M. (eds.). Moscow: Indrik, 1998. Pp. 246—251.]
- Толстая 1994 — Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (отв. ред.). Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 172—177. [Tolstaya S. M. Verbal rituals in Slavic folk culture. *Logičeskii analiz yazyka. Yazyk rečevykh deistvii*. Arutyunova N. D., Ryabtseva N. K. (eds.). Moscow: Nauka, 1994. Pp. 172—177.]
- Толстая 2005 — Толстая С. М. Ритм и инерция в структуре заговорного текста // Свешникова Т. Н. (отв. ред.). Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 292—308. [Tolstaya S. M. Rhythm and inertia in the structure of the spell text. *Zagovornyi tekst. Genezis i struktura*. Sveshnikova T. N. (ed.). Moscow: Indrik, 2005. Pp. 292—308.]
- Толстая 2012 — Толстая С. М. Угроза // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Толстого Н. И. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 353—355. [Tolstaya S. M. Threat. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'*: in 5 vol. Tolstoj N. I. (ed.). Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2012. Pp. 353—355.]
- Толстая 2016 — Толстая С. М. Клятва и проклятие в языке и культуре [Tolstaya S. M. Oath and imprecation in language and culture.] // *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil. 1. Zum 90. Geburtstag von N.I. Tolstoj*. Alekseev A. A., Antropov N. P., Kretschmer A., Poljakov F. B., Tolstaja S. M. (Hrsg.). (Philologica Slavica Vindobonensia.) Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. S. 215—240.
- Толстой 1995 — Толстой Н. И. *He* — не 'не' // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 341—346. [Tolstoj N. I. *He* — not 'ne'.

- Tolstoi N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow: Indrik, 1995. Pp. 341—346.]
- Унбегаун 1989 — Унбегаун Б. О. Русские фамилии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. [Unbegaun B. O. *Russkie familii* [Russian surnames]: Translated from English. Moscow: Progress, 1989.]
- Феоктистова 2003 — Феоктистова Л. А. Номинативное воплощение абстрактной идеи (на материале русской лексики со значением 'пропасть, исчезнуть'). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2003. [Feoktistova L. A. *Nominativnoe voploshchenie abstraktnoi idei (na materiale russkoi leksiki so znacheniem 'propast', ischeznut')*. *Kand. diss.* [Nominative realization of the abstract idea (on the basis of the Russian lexicon with the meaning 'vanish, disappear'. Cand. diss.]. Ekaterinburg: Ural State Univ., 2003.]
- Чередник 2006 — Чередник В. А. Вербальные формулы проклятий в русском языке. Дипл. работа. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006. [Cherednik V. A. *Verbal'nye formuly proklyatii v russkom yazyke. Dipl. rabota*. [Verbal formulas of imprecations in Russian. Diploma paper]. Ekaterinburg: Ural State Univ., 2006.]
- Черепанова 1983 — Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. [Cherepanova O. A. *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological lexicon of the Russian North]. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1983.]
- Янович 1995 — Янович Е. И. Текстовая структура и формуляр белорусских народных проклятий // Тарланов З. К. (отв. ред.). Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. С. 55—60. [Yanovich E. I. Text structure and form of the Belorussian folk imprecations. *Yazyk i etnicheskii mentalitet*. Tarlanov Z. K. (ed.). Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 1995. Pp. 55—60.]
- Ясинская 2013 — Ясинская М. В. «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 79—89. [Yasinskaya M. V. «Sveta belogo ne videt'» (the theme of eyes and vision in the formulas of the South Slavic imprecations). *Slavyanovedenie*. 2013. No. 2. Pp. 79—89.]

Получено / received 20.10.2017

Принято / accepted 14.11.2017